

**Шеллер-Михайлов Александр
Константинович**

Дети улицы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А46

А46 **Александр Константинович Ш.**
Дети улицы / Шеллер-Михайлов Александр Константинович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 160 с.

ISBN 978-5-521-30946-7

ISBN 978-5-521-30946-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ее. — Экая важность! Съ кѣмъ бѣды не бываетъ! Ты гдѣ живешь-то теперь?

— Нигдѣ я не живу! отвѣтила она.

— Какъ нигдѣ не живешь? Ахъ, ты, чудачка! Вѣдь есть же у тебя квартира, уголь?

— Ничего теперь нѣтъ... на улицѣ... прерывающимся отъ слезъ голосомъ отвѣтила она. — Выгнали, сказали: „Ищи мѣста...“ а гдѣ-же... Аспиды проклятые!..

— Да не грѣхъ-ли тебѣ, что ты ко мнѣ не толкнулась? воскликнулъ онъ, перебивая ее.

Она подняла на него съ выраженіемъ недоумѣнія глаза.

— Я думала, начала она нсмѣло, — думала, что и вы, Валентинъ Григорьевичъ, угла не имѣете... Да и гдѣжь было искать теперь... вечеромъ...

Онъ засмѣялся добрымъ смѣхомъ при этихъ словахъ.

— Я-то угла не имѣю! воскликнулъ онъ, продолжая смѣяться. — Да если-бы у меня не было угла, я въ чужой пришелъ-бы, къ дядюшкѣ, къ тетюшкѣ, и заставилъ-бы ихъ держать меня.

— Да, заставили-бы, сказала она по дѣтски задорно, словно передразнивая его. — Я вотъ заходила и къ дядѣ, и къ теткѣ, такъ лакеи не донускали...

— Ну, Дора, уже совсѣмъ серьезно проговорилъ онъ, — тебѣ-то какіе-же они родные, сама ты это должна знать, слава Богу, уже не дитя, а отъ меня-то было-бы не легко имъ отреститься, если-бы я точно толкнулся къ нимъ. Я-то имъ не чужой. Ну, да что объ этомъ толковать... Иди ко мнѣ... Не на улицѣ-же тебѣ оставаться... Онъ крикнулъ извозчика и, не торгуясь, сѣлъ на дрожки съ молодой дѣвушкой. Она замѣтила ему:

— А вы все шикарите, не торговались...

— А ты думаешь, меня пятакъ создалъ, а не я его? со смѣхомъ отвѣтилъ онъ. — Крови больше перепортишь, чѣмъ выгадаешь, если станешь изъ-за всякой копейки торговаться...

— Въ моего папашу вы!

— А, можетъ быть, въ твою мамашу, сказалъ онъ шутливо.

— А и то можетъ быть. Мама тоже пвыряла деньги, согласилась она и оживилась, охваченная сладкими воспоминаніями: — Ахъ, какъ жили! Какъ жили!

— Да, обѣды съ музыкой давали, домашніе спектакли устраивали, проговорилъ онъ тоже оживленно.

— А елку, елку въ послѣдній годъ помните? съ увлеченіемъ спросила она.

— Какже, какже! оживленно проговорилъ онъ. — Это для тебя, для Теодоры, для „Богомъ данной“ устроили тогда елку, въ послѣдній разъ! Славное было житье!

Они оба оживились, какъ дѣти, отдавшись сладкимъ воспоминаніямъ о минувшемъ блескѣ. Осенняя непогода, всякія житейскія непріятности, все разомъ забылось подъ наплывомъ этихъ воспоминаній о былыхъ блескѣ и роскоши.

Смотря теперь на эту странную пару, никто-бы не повѣрилъ, что обоимъ имъ живется не сладко, что онъ не сегодня, такъ завтра можетъ очутиться снова на мостовой, какъ очутился онъ на ней еще недавно, и что она, эта дѣвушка-ребенокъ, только-что пережила страшную катастрофу въ жизни, была позорно выгнана на улицу изъ того швейнаго магазина, куда пристроилась въ послѣдніе годы. Правда, оба они были молоды — ему шелъ двадцать седьмой или двадцать восьмой годъ, а ей, вѣроятно, только-что минуло семнадцать лѣтъ, на видъ-же казалось и того менѣе. Молодость всегда почти безпечна и легкомысленна. Но ихъ легкомысліе и безпечность выходили изъ ряду вонъ и, только зная всю ихъ жизнь, можно было понять, какъ могли сложиться такіе два своеобразные типа.

Это были вполнѣ дѣти улицы.

Улица приняла ихъ, выброшенныхъ случайностью изъ семьи, и воспитала ихъ среди своей суеты, смѣны сценъ, то горькихъ, то мишурно-блестящихъ, выставокъ въ окнахъ магазиновъ, нарядной и оборванной толпы, вѣчной суеты за дѣломъ или отъ бездѣлья. Когда-то у нихъ была и семья, но въ ихъ памяти, пріучившейся глядѣть только на мелькающихъ по улицѣ прохожихъ и экипажи, на разставленные въ окнахъ магазиновъ товары, воспоминанія о семьѣ складывались въ рядъ картинъ пировъ и баловъ. За этими пирами и балами они ничего не могли уже разсмотрѣть ослѣпленными внѣшнимъ блескомъ глазами. Блеска-же въ прошломъ было много. Съ этой стороны имъ было чѣмъ помянуть старую жизнь.

Открытая жизнь Аркадія Павловича Неронова, въ домѣ котораго росли эти люди, была хорошо извѣстна Петербургу той давно прошедшей эпохи, когда процвѣтали откупа и откупщики, когда строились николаевская желѣзная дорога, церковь св. Исаакія, Благовѣщенскій мостъ и тому подобныя грандіозныя сооруженія, и когда въ числѣ остротъ, постоянно приписывавшихся все одному и тому-же князю Меншикову, ходилъ по городу анекдотъ, что князь, доказывая свои математическія способности, сказалъ, что онъ возьмется высчитать даже и то, во что обошлись эти монументальныя постройки.

Люди, знакомые съ этимъ временемъ только по книгамъ, представляютъ его нерѣдко какимъ-то мрачнымъ, точно тогда и солнце не свѣтило, и люди веселиться не умѣли. Это большая ошибка. Это было веселое время, такое веселое, что ему никогда, пожалуй, и не повториться. Съ одной стороны цѣлая масса маленькихъ людей-тружениковъ, подобно полчищу муравьевъ, ползла въ то время, цѣпляясь другъ за друга, куда-то въ гору, среди разныхъ канцелярій, отдѣленій и департаментовъ, и усердіемъ и терпѣніемъ созидала себѣ и значеніе въ обществѣ, и капиталы на черный день, скромно, но весело справляя семейныя вечеринки, обозначавшія каждый разъ прибавленіе капитала; съ другой стороны беззаботныя широкія натуры, не думая о заложенныхъ и перезаложенныхъ въ опекунскомъ совѣтѣ имѣніяхъ и душахъ, жили такъ, какъ теперь уже не живутъ и не могутъ жить люди, несмотря на всякіе взаимные кредиты, дворянскіе и всесловные банки. Никакіе праздные проклятые вопросы и уныло-пессимистическіе взгляды на жизнь не проникали ни въ ту, ни въ другую сферу, такъ какъ какая-нибудь болгаринская „Пчелка“ или очкинскія „С.-Петербургскія Вѣдомости“ этимъ не занимались, да если-бы и занимались, то ихъ читали очень немногіе, интересовавшіеся по большей части вопросами о производствахъ, наградахъ и тому подобныхъ семейныхъ дѣлахъ. Бывшія въ ходу книги служили тоже по большей части только для развлеченія людей и пищеваренія не портили, да и ихъ было въ ходу очень ограниченное число. Этимъ мертвымъ капиталомъ запаслись немногіе чудаки, большинство-же только брало книжечку у пріятелей „почитать“ и эта кни-

жечка обходила десятки и сотни пріятельскихъ рукъ, пока не зачитывалась совсѣмъ. Большинству было просто некогда удѣлять много времени на такую пустую забаву, какъ чтеніе: составлявшіе капиталъцы люди усердно работали, а въ свободное время играли въ преферансъ, въ бостонъ, въ ералашъ или въ вистъ, широкія-же натуры прожигали жизнь, рыща по баламъ, по театрамъ, по увеселительнымъ заведеніямъ, являвшимся въ обиліи въ видѣ тайныхъ или явныхъ танцклассовъ и тому подобныхъ веселыхъ домовъ. Итальянская опера, балетъ, французскій, нѣмецкій и русскій театры, модные цирки, разныя панорамы и звѣринцы, все это наполнялось падкой до развлеченій и поощрявшей искусство толпой, а въ танцклассахъ отплясывала кутящая молодежь средней руки, по части идей и вопросовъ невинная, какъ новорожденные младенцы, сосущіе безъ думъ и размышленій данныя имъ соски. Лѣтомъ въ Петергофѣ, на Елагиномъ и въ Екатерингофѣ бывали такія гулянья, о которыхъ теперь остались одни преданія, и даже какой-нибудь „сапожническій“ Куллербергъ поражалъ тогда своимъ шумомъ и гамомъ, чудовищными выходками развернувшихся во всю ширь необузданныхъ натуръ. Въ обществѣ то и дѣло ходили толки о чудодѣяхъ, выкидывавшихъ разныя штуки на удивленіе столицѣ и каждый, казалось, хотѣлъ перещеголять извѣстныхъ своими выходками миллионеровъ Савву Яковлева и Пономарева. Да, это было не мрачное, а веселое время.

Но едва-ли гдѣ-нибудь веселье было такимъ постояннымъ, какъ въ домѣ Неронова. Не говоря о томъ, что Аркадій Павловичъ Нероновъ и его молодая жена Сарра Гавриловна ѣздили почти каждый день въ театръ, гдѣ ихъ ложа превращалась въ какой-то сборный пунктъ для всей блестящей петербургской молодежи, то и дѣло заглядывавшей въ ложу, чтобы сговориться, гдѣ кончить вечеръ послѣ спектакля, — у Нероновыхъ ежедневно обѣдали посторонніе люди, а въ воскресные дни за обѣдомъ или пѣли пѣвчіе изъ казеннаго церковнаго хора, или играла военная музыка. Только ночью въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ домѣ Нероновыхъ не было посторонняго народа; въ остальное время этотъ домъ походилъ на базарную площадь во время ярмарки: посѣтители смѣнялись модистками, портными и обойщиками, которымъ всегда

находилось дѣло въ этомъ домѣ послѣ только-что конченнаго шумнаго обѣда шли торопливыя переодѣванья и приготовленья къ балу или спектаклю, и кромѣ всего этого Аркадію Павловичу приходилось еще перекидываться спѣшными дѣловыми разговорами съ какими-то чиновниками, приходившими къ нему съ бумагами и смиренно вытягивавшимися передъ нимъ, втягивая въ себя изъ чувства деликатности и подобострастія отроставшія брюшки.

Невысокій ростомъ, стройный, черноволосый и голубоглазый, вѣчно подвижной красавецъ Нероновъ презиралъ отъ всей души этихъ выслужившихся изъ кантонистовъ и писарей „канцелярскихъ крысъ“, какъ онъ называлъ ихъ, и они видимо трепетали передъ нимъ, такъ какъ онъ былъ любимчикомъ, по ихъ выраженію, „самого“ и „самой“,—главное „самой“. Презрѣніе къ нимъ не мѣшало, однако, Неронову швырять имъ деньги, крестить у нихъ дѣтей, быть у нихъ посаженнымъ отцомъ. Ихъ трепеть передъ нимъ тоже не мѣшало имъ изъ-подъ его рукъ и подъ его безсознательной защитой урывать себѣ капиталы и, выйдя отъ Неронова, важно выпячивать только-что втягивавшіеся изъ почтительности животы. Вѣчно веселаго, остроумнаго и безпечнаго Неронова тѣшила, какъ мальчишку, эта способность канцелярскихъ крысъ умиляться и худѣть въ его присутствіи, вырастая и тучнѣя за его дверями, а ихъ утѣшало то, что онъ только вышучиваетъ ихъ, а не ругаетъ и не гонитъ въ шею, оставляя ихъ свободно орудовать дѣлами. „Шути, шути, насъ не убудетъ“, думалъ каждый изъ нихъ, выходя отъ Неронова.

Если кто-нибудь могъ-бы быть названъ болѣе безпечнымъ, чѣмъ Нероновъ, такъ это его жена.

Въ обществѣ Сарру Гавриловну еще въ дѣтствѣ прозвали въ шутку канарейкой за ея желтоватыя волосы и за привычку вѣчно напѣвать что-то. Канарейкой она осталась и тогда, когда прошли годы дѣтства. Недурненькая собой, съ синими, какъ васильки, глазами, съ волосами цвѣта спѣлой ржи, эта маленькая женщина-птичка никогда не знала горя и даже болѣе того, не знала, что горе вообще бываетъ на свѣтѣ. Въ то блаженное время такія женщины были еще не рѣдкостью. Крестьяне, которые кормили ея родную семью, были гдѣ-то далеко; въ домѣ жила сытая и нарядная прислуга изъ дворо-

выхъ грабителей; гувернантки — и французенки, и англичанки — читали ей только благородныя и возвышенныя произведенія о добрыхъ феяхъ и послушныхъ дѣвочкахъ; учащіе больше всего заботились о ея граціи и учили ее танцовать „па-де-шаль“. Свободное отъ наукъ время проводилось въ пріемѣ богатыхъ гостей и выѣздахъ на богатые балы. Вышла она замужъ по любви, то-есть ей очень понравился лицомъ красавецъ Нероновъ, и веселье онъ былъ такъ, что жизнь съ нимъ представлялась ей какимъ-то сплошнымъ водевилемъ.

И точно ихъ жизнь была похожа на водевиль или на игру двухъ ребятъ сперва въ мужа и жену, а потомъ въ папу и маму, такъ какъ у нихъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ бездѣтнаго брака явился пріемный сынишка, сынъ сестры Неронова. Эта женщина потеряла мужа и, разрѣшившись отъ бремени, умерла. Ребенка взяли Нероновы и назвали его Валентиномъ. Валентину накупили сразу столько кружевныхъ и шелковыхъ нарядовъ, одѣялецъ, покрываль, чепчиковъ и такую массу игрушекъ, превосходившихъ иногда по величинѣ его самого, что, по крайней мѣрѣ, половину этого добра кормилица и слуги разобрали для своихъ ребятишекъ. Нарядная кормилица, вся въ бусахъ и въ позументахъ, ежедневно приносила въ столовую Валентина Григорьевича, какъ звали его слуги уже съ пеленокъ, и показывала его пріемнымъ отцу и матери или гостямъ и всѣ хохотали при видѣ его, такъ какъ и онъ, обвѣшанный разными дорогими бездѣлушками, постоянно смѣялся. Его такъ и звали „веселенькимъ ребенкомъ“.

Когда веселенькій ребенокъ подросъ, всѣ стали находить его не только веселенькимъ, но и остроумнымъ ребенкомъ. Къ нему взяли русскаго учителя и его пріемная мать, зная по опыту, какъ скучно учиться, спросила его послѣ перваго же урока за обѣдомъ:

— Ну, не скучаль ты за урокомъ со своимъ Зотовымъ?

— О, нѣтъ, меня развлекаетъ его носъ, отвѣтилъ съ улыбкой мальчуганъ.

Всѣ засмѣялись.

У Зотова носъ былъ дѣйствительно комичный, похожій на маленькую луковицу. Комическій носъ учителя примирилъ Валентина съ началомъ ученія, а потомъ ученіе пошло болѣе или менѣе успѣшно потому, что учитель оказался вообще

„потѣшнымъ“. Онъ не умѣлъ держать себя съ „аристократами“, каковыми въ бурсацкой простотѣ онъ считалъ Нероновыхъ, такъ какъ для него богатство и аристократизмъ сливались въ одно неразрывное цѣлое. Онъ конфузился и терялся въ обществѣ аристократовъ и былъ или комично грубъ, или комично краснорѣчивъ. Иногда онъ въ припадкѣ грубости называлъ мальчика „дубиноголовымъ“, „осиновымъ коломъ“, „пробкой“, „ослицей Валаама“ и мальчикъ, нисколько не боявшійся его, хохоталъ до слезъ отъ этихъ эпитетовъ, причемъ все болѣе и болѣе конфузившійся учитель только ворчалъ уже себѣ подъ носъ:

— Дурака ваять только и умѣете!

Иногда-же учитель на сложные вопросы любопытнаго ученика пускался въ пространныя объясненія, говорилъ высокопарнымъ слогомъ, уклонялся отъ главнаго предмета въ сторону, смущался, путался и снова вызывалъ смѣхъ ученика и своей книжной рѣчью, и своей конфузливостью, причемъ мальчуганъ имѣлъ однажды дерзость замѣтить ему:

— А это не про васъ басню Хемницеръ написалъ?

— Какую? спросилъ учитель.

— „Метафизика“, бойко отвѣтилъ мальчуганъ.

Учитель совсѣмъ растерялся, потомъ нахмурился и какъ-то особенно рѣзко отвѣтилъ:

— На балаганахъ-бы вамъ изображать „дѣда“ на качеляхъ.

Нѣкоторое время онъ дулся на Валентина, а тотъ беззаботно смѣшилъ своихъ пріемныхъ отца и мать разсказами „о метафизикѣ“.

Это не помѣшало ученику и учителю въ одинъ прекрасный день сблизиться очень сердечно. Какъ-то Зотовъ появился на урокъ хмурымъ, озабоченнымъ и разсѣяннымъ. Онъ не ругалъ ученика, не смѣшилъ его витіеватостью, объяснялъ и спрашивалъ коротко и отрывисто.

— Вы нездоровы? спросилъ Валентинъ.

— Здоровъ, коротко отвѣтилъ Зотовъ.

— Такъ что-же съ вами? спросилъ Валентинъ.

— Много будете знать, скоро состаритесь! оборвалъ учитель.

Однако, на слѣдующій день онъ былъ не веселѣе. Вален-

тинъ присталъ къ нему съ разспросами. Зотовъ сдѣлалъ строгое лицо и сказалъ:

— Не разговаривайте, а отвѣчайте урокъ.

Валентинъ не привыкъ къ противорѣчіямъ и непокорности. Видя упорство учителя, онъ закрылъ книгу, откинулся на спинку стула и рѣшительно объявилъ:

— Я не стану отвѣчать урока, пока не скажете, что съ вами.

— Да вы это что выдумали? прикрикнулъ Зотовъ. — Не хотите учиться? Ну, и не надо. Вотъ я возьму шапку и уйду.

— И уходите, рѣшительно сказалъ Валентинъ.

Зотовъ протянулъ руку къ шапкѣ и остановился. Никогда не переживалъ онъ такой скверной минуты, какую переживалъ теперь. Этотъ капризный и привередливый мальчишка-аристократъ, какъ мысленно называлъ Валентина Зотовъ, способенъ былъ отказаться учиться у него. Отъ него всего можно ждать, а его милые родные потакать ему готовы. Что-же будетъ тогда? Голодать придется? И такъ дома теперь жрать нечего. Онъ рѣзко швырнулъ шапку въ сторону и проговорилъ:

— Пороть-бы васъ надо, не привередничали-бы! Отвѣчайте урокъ!

— А вы скажите, почему вы такой и вчера, и нынче? настойчиво спросилъ Валентинъ.

У Зотова сжимались кулаки, но онъ переломилъ себя и, несмотря на страстное желаніе, не надавалъ тычковъ и затрепалъ ученику.

— А вотъ потому, заговорилъ онъ, чуть не скрежеща зубами, — что я не такой прохвостъ, какъ вы. Я вотъ дни по урокамъ бѣгаю, чтобы семью прокормить, а теперь вотъ двоюродный братъ на шею сѣлъ. Курсъ вотъ въ университетѣ кончилъ, а приходится гранить мостовую безъ куска хлѣба. У насъ семьѣ ѣсть нечего, а приходится и его кормить, потому на улицу его не выгонишь, когда онъ умираетъ съ голоду, не собака. Эхъ!

Онъ махнулъ рукою, раскрылъ книгу и началъ спутанно и торопливо объяснять урокъ ученику. Его голосъ былъ странный, казалось, этого крупно обтесаннаго и неуклюже сложеннаго бѣдняка съ корявымъ лицомъ и комическимъ носомъ-

луковкой душили слезы. Валентинъ глядѣлъ не безъ любопытства и на его некрасивое лицо, на которомъ теперь выступили капли пота, и на его потертую одежду, на которой мальчикъ впервые увидалъ заштопанныя мѣста и заплаты.

Что объяснялъ ему учитель, Валентинъ на этотъ разъ не слышалъ, и мало интересовался этимъ; въ его головѣ вертѣлась одна странная мысль, что двоюродный братъ Зотова — умираетъ съ голоду. Онъ такъ буквально и понималъ это выраженіе, представляя себѣ худого-худого человѣка, лежащаго на постели и умирающаго съ голоду.

Когда урокъ кончился, Валентинъ быстро понесся въ комнату Нероновой и въ попыткахъ разсказалъ, что у Зотова двоюродный братъ умираетъ съ голоду, что онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, а мѣста нѣтъ, и онъ лежитъ и умираетъ съ голоду, что у Зотова тоже мало хлѣба, а онъ долженъ держать двоюроднаго брата, пока тотъ не умретъ съ голоду.

— Что-же ему денегъ надо? Сколько? спросила растерянно Неронова.

— Я не знаю, отвѣтилъ не менѣе растерянно Валентинъ. — Ты какъ думаешь?

— Я тоже не знаю! сказала она. — Надо будетъ Аркадія спросить. Онъ, вѣрно, знаетъ.

Они пошли къ Аркадію Павловичу, стали разсказывать, спрашивать, сколько нужно дать, если человѣкъ умираетъ съ голоду? Тотъ разсмѣялся.

— Мѣсто надо дать. Вотъ что надо. У насъ найдется, коротко рѣшилъ онъ.

— А вдругъ онъ умретъ съ голоду! воскликнулъ Валентинъ.

— Подождать! сказалъ съ усмѣшкой Нероновъ.

— Да, да, я скажу, чтобы онъ подождать, рѣшилъ Валентинъ и спросилъ у Неронова: — а когда дашь мѣсто?

— Ну, пусть придетъ завтра, послѣ-завтра, отвѣтилъ Нероновъ, — все-равно когда.

Валентинъ побѣжалъ въ свою комнату, быстро надѣлъ верхнюю одежду и тайкомъ убѣжалъ изъ дому: ему хотѣлось скорѣе предупредить двоюроднаго брата Зотова, чтобы тотъ подождать умирать съ голоду.

Впервые въ жизни онъ очутился на улицѣ безъ провожа-

тыхъ. Тѣмъ не менѣе онъ не растерялся и съумѣлъ распросить геродовыхъ и будочниковъ, какъ ему пройти въ первую роту Семеновскаго полка, гдѣ жилъ Зотовъ.

Какъ ураганъ влетѣлъ онъ въ бѣдную и тѣсную квартиру Зотова, гдѣ пахло и грязнымъ бѣльемъ, и горячимъ хлѣбомъ, и кислыми пшеницами, и засталъ Зотова въ какомъ-то затасканномъ парусинномъ балахонѣ, смятомъ сзади и продранномъ на локтяхъ.

— Вы скажите, скажите своему двоюродному брату, чтобы онъ подождалъ, началъ онъ, съ трудомъ переводя духъ, — завтра папа дастъ ему мѣсто.

Зотовъ растерянно смотрѣлъ на него. Валентинъ продолжалъ объяснять ему, что онъ говорилъ съ Нероновой, потомъ съ Нероновымъ и что послѣдній далъ слово пристроить молодого человѣка.

— А онъ не умретъ до тѣхъ поръ? неожиданно спросилъ Валентинъ, перебивая свой собственный рассказъ.

Зотовъ очнулся и совсѣмъ растерянно, сконфуженно, съ глупой улыбкой на широкомъ лицѣ, проговорилъ:

— Ахъ, вы физія!

Богъ вѣсть, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Валентинъ залился звонкимъ смѣхомъ.

— Какъ, какъ вы сказали?

— А ну васъ! махнулъ рукою еще болѣе растерявшійся Зотовъ. — Спасибо!

Онъ потрясъ руку Валентина, сжавъ ее до боли, въ знакъ благодарности; но тотъ уже не отставалъ отъ него.

— Нѣтъ, нѣтъ, повторите, что вы сказали?

— Ну, прицѣпился! проговорилъ Зотовъ. — Ну, сказалъ: ахъ, вы физія!

— А что это значитъ? допрашивалъ Валентинъ.

— А чортъ его знаетъ, что значитъ! Ничего не значитъ! отвѣтилъ Зотовъ, опять махнувъ рукою. — Бѣдность это значитъ! Вотъ что!

Въ его голосѣ послышалась горечь.

Послѣдствіями этого происшествія было опредѣленіе на мѣсто двоюроднаго брата Зотова, превращеніе Зотова въ обожателя Валентина, который въ его мнѣніи изъ „паршиваго аристократишки“ превратился въ „широкое русское золотое